

Заметки для внуков.

Любица Давидович
(1915-1990)

Православные славяне! Как много в нашей судьбе одинакового.

Как нужно нам, ныне живущим, сохранить память о прошлом:

о страданиях и победах наших народов, о стойкости в вере и любви к Богу и Отечеству земному, о том, как наши деды и прадеды умели и в скорби, и в радости быть вместе.

Эти воспоминания почившей матери нашего сербского друга, доктора наук Драгомира Давидовича, пусть станут для нас и наших детей и внуков живой памятью о прошлом, призывом к тому, чтобы в это сложное время оставаться людьми.

(Виктория Компаниец, Украина)

Неоконченная тетрадь моей матери

Вступление

Драгомир Давидович

По просьбам своих внучат, которые её очень любили, моя покойная мать, Любица Давидович (1915-1990), записала в одну тетрадь эти записки. Они представляют *ценное свидетельство о жизни многострадального сербского народа* во время Великой войны, когда в Герцеговине с начала 1908 года турецкое рабство было заменено австрийским рабством, а потом началась большая война.

Этому времени и положению сербов хорошо соответствуют стихи:

И в дни мятежного волненья,

Когда ограбят нас враги,

Терпеть позор и униженья

Христос, Спаситель, помоги!

С.С. Бехтеев

Любица Давидович, вдова Митра, после войны с детьми в Аде, Сербия

Мама хотела продолжить свои записки, но смерть вырвала перо из руки. Записки оканчиваются началом описания подъёма сербского народа в своём свободном послевоенном сербском государстве. После времени, описанного в записках, жизнь нашей матери вкратце сложилась так.

По образовательным программам тогдашнего государства она была направлена в школу домохозяек в Сремску Каменицу, которую окончила с большим успехом.

Как ученица домохозяйственной школы в Каменице, она была приглашена на приём во дворец короля Александра с группой других учениц, пожала ему руку и поговорила. Это была большая честь! Повлияло, наверное, и то, что она была военной сиротой Солунского добровольца.

По окончании школы в 1933 году она вышла замуж за Митра Давидовича (1900-1945). Со своим мужем Митром она начала новую жизнь в Аде, где на земле, полученной от государства, они построили новый дом, в котором прожили 8 счастливых лет, когда у них родились два сына и дочь.

Любица Давидович как молодая девушка

В начале войны, в 1941 году Аду захватили венгры, но Митр с семьёй успел перебраться в Вербу, и потом сразу ушёл на фронт. Его военные друзья рассказывали, что Митр плакал, когда узнал, что Югославия капитулировала. Во второй половине мая 1941 года Митр вернулся в Вербу и привёз с собой винтовку. Никто из сербов не думал, что война окончена, все понимали, что она только начинается.

В начале июня 1941 года мусульманско-хорватские усташы совершили злодейские убийства невинных сербов и бросили их тела в карстовые ямы. Это сразу вызвало восстание четников.

Митр Давидович был убеждённый националист и *четник*. Во время войны был на различных должностях в четничском движении, одно время он был начальником штаба четничкой бригады Гадска. Всё время он оставался верен этому движению, в котором всегда занимал высокие и ответственные военные должности, хоть и не был офицером по профессии. Только благодаря его большим природным дарованиям и безграничной преданности четническому движению.

Во время войны Митр, и это достоинство его характера, проявлял *высокий гуманизм и заботу о каждом человеке независимо от его политических взглядов*. Он старался, чтобы было *как можно меньше братоубийственного страдания*. Он защищал людей и их имущество, независимо от того, к какому движению они принадлежали. Всё время войны он старался *уменьшить междоусобное уничтожение сербов*. Он в полной мере понимал *трагедию сербского братоубийства*. И он остался в памяти, как человек очень миролюбивый и справедливый.

Наш отец погиб на *Левчем Поле* вместе с цветом гацкой молодёжи. Тогда на Левчем Поле в апреле 1945 на них обрушились и *партизаны Тито, и хорватские усташи, и немцы*. Силы были неравны и они все погибли.

После войны отец был объявлен «*домашним предателем*» (аналог «врага народа» в СССР), и наша мать, как его жена и *вдова, претерпела много гонений*. Но не смотря ни на что она смогла поднять на ноги всех четверых детей (самый младший – это я, автор, родившийся во время войны) и дать им высшее образование. *Трое сыновей стали докторами наук, а дочь – успешным юристом*. Для этого были необходимы героические усилия, поскольку при *диктатуре Тито*, как об этом свидетельствует хорватский скульптор Мештрович, Тито сам сказал:

Я сербам перебил хребет.

Мама окончила свою земную жизнь в больнице в Сремской Каменице, в том же самом месте, где молодой девушкой закончила домохозяйственную школу. За несколько дней до смерти она попросила меня, чтобы на надгробной плите, кроме её имени, написали бы и текст:

Помяни, Господи, её отца Обрена и мужа Митра, которые оба как бойцы сербских войск погибли в двух мировых войнах неизвестно где.

Мы выполнили её желание. Мама считала свою жизнь выполненной, почти совсем счастливой и *благодарила Бога за всё*. Единственной болью у неё в сердце осталось то, что мы не смогли найти останки Митра и похоронить их.

Уже после её смерти, когда в Республике Сербской *четническое движение было официально признано антифашистским*, каким оно всегда и было, *жители села Вилуси нашли на Левчем Поле и опознали останки некоторых четников, в том числе и нашего отца*. Они сами установили там большой красивый памятник, не зная о том, что живы его потомки. Учитывая, в какой *сатанократии мы жили, это можно считать чудом и осуществлением Божьей правды*.

Скажу ещё, что её двоюродные братья Гойко и Божо, о которых она пишет, во время войны примкнули к коммунистическим отрядам Тито и погибли в 1942 году.

Заметки для внуков.

Ада

(31.07.1988)

(Ада — большой поселок на северо-востоке Сербии вблизи границы с Венгрией)

Ребёнком я любила слушать, как пожилые люди рассказывают что-то из прошлого, и сейчас, когда у меня есть свои дети и внуки, думаю, может быть и им будет интересно когда-нибудь это прочитать.

Сначала расскажу о своих родителях. Они венчались в начале 1914 года, оба были сироты, поскольку их родители умерли молодыми, и жили они со своими дядьями.

Моего отца звали Обрен Гркович. У него было две старшие сестры, и все они жили с дядей Марком. Он был человек уже пожилой и очень уважаемый, в деревне все его звали Дяденька, так что и я буду так его называть. Обе сестры моего отца были замужем в той же деревне.

Мать моего отца была родом из Бошковичей. Она умерла в тот миг, когда услышала, что турки убили двух её братьев, а её муж, мой дед, умер естественной смертью.

Мою мать звали Стоя. Она была родом из Супичей, и у неё было две сестры. Её мать была из Вуковичей с Мекка-Груды, и как мне рассказывал Дяденька, из очень уважаемой семьи. Тут могу добавить, что Дяденька рассказывал, что он был среди сватов, и что получилось неудобно, поскольку пришло гораздо меньше сватов, чем было договорено, поскольку в этот день из деревни шло три сватов. (Согласно местным обычаям, свадьба начиналась с того, что сваты, а их могло быть много, шли без жениха в дом к невесте. Там их ждало застолье, и они там целый день гуляли. На следующий день сваты забирали невесту из её дома и отводили в дом жениха, где празднество продолжалось.)

Вуковичи на это обиделись, и кто-то из них сказал, «Проводите этих 3-4 парней», а когда мы вошли в помещение, то увидели, что угощение приготовлено на 40 человек, на столах лежало 40 овечьих голов. Поэтому видно, что это был один богатый дом.

Наша деревня Верба, соседская Чемерно и ещё несколько деревень из уезда Гацко были на границе с Черногорией, а власть была Австро-Венгерская.

Швабы использовали своих наёмников и шпионов и бдительно следили за настроением и движением народа. (Швабами в Сербии презрительно называли

австрияков.) Они начали мобилизовывать парней и отсылать их на русскую границу. Сначала мобилизовали самых лучших, в этом первом призыве ушел и мой отец. В этом же призыве ушло ещё несколько человек, о которых будет позже идти речь.

Мой отец писал матери, я знаю об одном письме, но это было позже, поскольку он писал, чтобы она заботилась обо мне. Из этого письма видно, что он знал, что я родилась, и что мне дали имя Любица.

Когда началась война, народ массово бежал из пограничных деревень в Черногорию, в том числе и моя мать. Этим беженцев кое-как разместили по Пивским деревням. Моя мать нашла приют в деревне Синец, поблизости от Пивского монастыря в доме Мате Бокрача. Тут она меня и родила, это было 22.02.1915. Здесь же в монастыре меня и крестили.

В то время швабы начали репрессии против людей из деревень, из которых народ бежал. Они схватили всех заметных людей и стали их вешать.

Вјешање Срба у Гацку 1914. године

Виселици дља сербов в Гацке и других местах 1914

И начались муки сербского народа.

В числе других повесили и мужей сестер моего отца. Дуня была замужем за Супичем, она осталась с двумя маленькими сыновьями, а вторая сестра Ела была замужем за Евто Суджум, и когда его повесили, она умерла через 5 дней. Я слышала, что когда Евто повели на виселицу, он сказал, *«Вы делайте что хотите, но будут жить и Россия, и Великая Сербия»*.

Вернусь ещё немного к этим беженцам в Черногории. Когда они уходили, то перегнали свой скот и уносили всё, что могли, из имущества. Моя мать была с Дяденькой, т.е. с его семьёй. Беженцы общались друг с другом, ходили в гости. Но вскоре австрияки захватили Черногорию и схватили всех беженцев. Многие расстреляли, а остальных погрузили в вагоны для скота и отправили в Венгрию в злоеший (страшный) лагерь Шопрон (Шопрон — город на северо-западе Венгрии, на границе с Австрией).

Должна отметить ещё одну деталь из жизни беженцев. Когда я родилась, приходили женщины на меня посмотреть. Одна из них была Петра Давидович, она принесла мне пелёнки. В то время это был замечательный подарок. Сын Петры был другом моего отца, и они вместе ушли на войну. Всё это мне рассказывала мне мать, когда я уже подросла.

Мой отец не вернулся, а этот его друг, сын Петры, вернулся, и рассказывал об их жизни на фронте.

Но сейчас ещё несколько слов о Петре. Она уехала в Шопрон с двумя сыновьями и дочерью. Одного её сына там убили, и сама она там умерла. Потом я узнала, что *австрияки приговорили её к смерти за то, что она призывала людей убегать в Черногорию*. Но смерть к ней пришла другим путём. Петра была родом из Зировичей. В Шопроне многие умерли, а те, кто выжил, вернулись на свою землю, но *нашли там пепелище*.

Здесь начинаются мои первые воспоминания.

Первое, что я помню, это дом над избой (*Избой в такой постройке назывался нижний этаж, в котором держали скот, а домом — верхний, в котором жили люди*), пол был из не струганых досок, плохо пригнанных друг к другу. И мать держала меня за руку, чтобы у меня нога не попала в щель. Народу в доме было много, но я из этого времени помню только свою мать, Дяденьку и его самого младшего сына Гойко, который родился в 1913 году.

Помню, что одна женщина принесла мне маленького цыплёнка. Я очень любила его, а он провалился в эту щель, и там внизу кони его растоптали. Я очень жалела этого цыплёнка и никогда его не забывала.

Не знаю, сколько мы жили в этом доме, пока Дяденька не сделал «хижину» из соломы. В хижине был очаг, и когда вечером огонь хорошо разгорался, на стенах появляются большие тени, я долго пугалась этих теней, пока не привыкла. Однажды во время большого дождя хижина протекла. По полу побежал ручеёк, я взяла листик бука, проткнула его соломинкой и пристроила над ручейком. Он завертелся! У меня получилась мельница!

Мы, дети радовались, а взрослые вздыхали.

Жили очень бедно и голодно. Мы с Гойко собирали желуди бука, и соревновались, кто соберёт больше. Мать рвала щавель и варила из него суп. Муки не было, мололи завязь орехов. Мололи и кости животных.

Мы с Гойко не понимали, что это просто голод, и не знали, что может быть как-то иначе. Тогда я услышала слово «фасун». Это когда мы получали, не знаю откуда, немного муки. Женщины занимали её друг у друга в баночках из-под консервов, чтобы сварить болтушку. А иметь болтушку - было большим делом.

У Дяденьки, кроме Гойко, было ещё трое детей: два сына и дочь. *Церковь тогда организовала отправку детей на Воеводину, чтобы там пережить голод (перекормиться)*. А жена Дяденьки была больная и умерла именно во время этих голодных лет.

С нами в деревне жили наши близкие родственники, это были все Грковичи. Мы все жили дружно, особенно с Васой. Её мужа повесили швабы в Автовце. У неё было два сына, Божо (1913 года рождения) и старший Марк, которого все звали Бечо. Она была из Михолячей, а эта деревня не была сожжена во время войны, так что она иногда ходила туда к своим родственникам и оттуда приносила сладкую репу, калач из настоящей муки, это была для нас *неописуемая радость*. *Всем, что она приносила, она делилась с нами*. Это невозможно забыть. О ней я ещё буду говорить ниже.

Шло время, Дяденька начал строить маленький дом, помню, что внешняя дверь была почти совсем с угла. За дверью шел довольно широкий коридор, и там прямо на земле был очаг. Из коридора шел вход в большую комнату, в два окна, пола не было. Вскоре Дяденька достал кухонную плиту.

Вскоре вернулись дети из Воеводины. Тонка, дочь Дяденьки, привезла куклу и много пёстрых тряпок. Мы, дети были очень им рады.

В это время начали возвращаться с войны бойцы, которые пережили войну, и каждый из них считал своим долгом зайти к нам. Я, уже взрослый ребёнок, ловила каждое слово: *война, освобождение, Солоникский фронт, Одесса, добровольцы, бои, Каймакчалан, Корфу, синее кладбище – море, куда бросали трупы*.

(Солоникский фронт был создан в октябре 1915 года в Греции. В солоникской гавани высадился англо-французский экспедиционный корпус. Первоначально экспедиционный корпус состоял из 5 британских и 3 французских дивизий, всего 150 тысяч человек, под командованием генерала М. Саррайля. Позже корпус был развернут в Восточную армию, которой с декабря 1917 года командовал генерал А. Гильом, а с июня 1918 года — генерал Л. Ф. Франше д'Эспере. В течение 1916 года в состав армии были включены 2-я Особая русская пехотная бригада (генерал-майора Дитерихса) и 4-я Особая русская пехотная бригада (генерал-майора Леонтьева) (примерно 18 тысяч человек).

Фронт был создан для оказания помощи сербской армии и совместного отражения австро-германо-болгарского наступления на Сербию.

Противоречия между странами Антанты и стремление переложить друг на друга основную тяжесть этой операции привели к тому, что помощь союзников была недостаточной и запоздалой. К концу 1915 года Сербия была оккупирована, а войска Антанты и часть сербской армии отошли в район города Салоники. Кроме того, сюда направлялись сербские добровольцы из числа сербских солдат, которых австрияки мобилизовали и отправили воевать с Россией, и которые перешли на сторону России, не желая воевать с ней. В их числе был и Обрен Гркович - дед Драгомира Давидовича. В августе 1916 года Салоникская армия включала

5 английских, 4 французских, 6 сербских, 1 итальянскую пехотные дивизии и одну русскую пехотную бригаду.)

Царь Николай II обращается к сербским добровольцам

Посадка сербских добровольцев в Одессе

Эти слова навсегда врезались в мою память. Про моего отца никто не знал точно, все думали, что есть ещё надежда. Упоминали какие-то отряды, известно было только то, что он пришёл с добровольцами из России *в первой сербской дивизии, которая была организована в Одессе*. Поскольку говорили, что ещё есть надежда, я каждый день смотрела, как заходит солнце за одним холмом, на котором видны какие-то развалины, оттуда идёт дорога к нашему дому, и по ней, я думала, придёт отец.

Отступление сербской армии через Албанию

Шло время. Доходили слухи, что кто-то вернулся, что кто-то погиб, но о моём отце ничего не было слышно. Я всё время надеялась. Прошло много времени, как вдруг в один день Дяденька и моя мать пришли из Гацко, я побежала им навстречу, т.к. тогда уже было можно купить кое-что в городе. Сразу, как только их увидела, я почувствовала какую-то тяжесть, мать меня крепко обняла и через слёзы мне сказала:

Сирота моя, не жди больше отца, он к нам никогда не вернётся.

Дяденька взял меня на руки, и через слёзы утешал и меня и мать. С тех пор это осталось для меня самым страшным воспоминанием.

Но что делать, жизнь течёт дальше. Все, кто возвращались с войны, заходили к нам. Они с грустью нежно гладили меня по голове, и как могли, баловали. А когда кто-то из них говорил, что я похожа на отца, я через грусть чувствовала некоторый лучик утешения. В эти дни я старалась больше держалась матери, чтобы не давать ей плакать, а когда ей надо было работать, я играла с ребятами.

На наших выселках не было детей, кроме этих двух сыновей Дяденьки: Гойко и Божо, и сына Васы. Как я уже говорила, Васа всегда всё, что имела, делила на нас всех. Помню наши детские игры, мы месили из грязи пироги и клали их на камни, они там высыхали, и стояли до первого дождя. Когда я немного повзрослела, то ходила с косцами на поле, приносила им воду, и это доставляло мне большую радость. На этих полях местами встречались островки леса, там попадалась

клубника, я собирала её и нанизывала на длинную соломку, и приносила домой, чтобы обрадовать мать.

“Синее кладбище”

Подошло время идти в школу.

Гойко и Божо были уже достаточно взрослыми, чтобы попасть в нормальную школу, а мне тогда было только пять с половиной лет. Когда они шли в школу, я бежала за ними, и плакала, что тоже хочу в школу. Мама меня успокаивала, но всё было напрасно. И когда поняли, что меня не успокоить, мать пошла со мной к учителю. *Ростом я была совсем маленькой, даже малюсенькой, как ребёнок, прошедший через лагерь, но была упорной в том, что хочу пойти в школу.* Школа мне показалась очень красивой. Большой класс с очень большими окнами, много детей – всё мне нравилось. Учитель спросил меня, почему я хочу идти в школу, я ответила, что *хочу учиться*. Он отговаривал меня, говорил, чтобы я подождала немного, пока подросту, но всё было напрасно. Тогда он сказал: хорошо, можешь идти в школу, но в школе надо будет слушаться и учиться, как и все остальные школьники, я на всё соглашалась, только чтобы меня пустили в школу.

Учитель объяснил матери, что не может официально записать меня, но позволяет, чтобы я приходила с ребятами, имея в виду, что дома нет детей, с которыми я могу общаться, и что я дочь погибшего Обрена-бойца. Учитель сам был добровольцем и воевал на Солунском фронте. Его звали Коста Вукович.

Я была счастлива, мать ушла домой, а я осталась в школе и в тот же самый день выучила песенку, которую помню до сих пор. Её пели все школьники, и мне было радостно петь вместе с ними. И когда я пошла домой через холм, который назывался Брылево, то наверху холма громко запела:

*О мой Бог дорогой,
Я маленькая тебе молюсь,
Научи меня как
Любить всех людей.
И с утра до вечера
Весело работать.
В эти дни, пока я ещё
Такая молодая!*

Когда я пришла домой все радовались, что я наконец стала весёлым ребёнком. Дяденька часто сажал меня на стул, чтобы я пела, и хоть у него были в школе свои сыновья, всё внимание, как к сироте, было направлено на меня. В школе я очень быстро стала понимать все задания, я была активной (борзой), и когда кто-то не знал, как из слогов сложить слово, я тут же вскакивала и говорила.

Учитель меня упрекает, берёт из-за парты и сажает на подоконник, чтобы я там молчала, а не то грозит зашить мне рот. Я немного молчу, но когда вижу, что кто-то не знает, снова говорю. Когда я стала взрослой, мне стало ясно, что я учителю тогда создавала проблемы, но он меня терпел. От школы у меня остались приятные воспоминания.

Помню, что зимой школьники жались к печке, отталкивая друг друга. Некоторые из них были уже взрослые, а печка была большая, из чугуна, а на ней был лик усатого великана. Я не знаю, кто это был, но помню, что много смотрела на него. В этой толкучке я, прошмыгивала между старшими и уютно устраивалась под трубой, я была самой маленькой, и тут никто другой не мог встать. Так прошло первое полугодие, и когда учитель увидел, что я могу нормально учиться, он меня официально записал в школу.

Очень хорошо помню конец школьного года. Это было большое торжество, первый праздник в свободной стране, которой исполнился только один год. Я, наверное, тогда не вполне понимало всё значение этого события, но помню, как хорошо всё было подготовлено и организовано. В нашу школу ходили дети из пяти окрестных сёл, и сейчас пришли, кроме школьников, их родители и много других людей.

Под дубравой в Кушичах были накрыты столы, тут хватало всего: зажаренные на вертелах ягнята, пресные пироги с сыром, лепёшки, калачи и не знаю что ещё. Мы школьники пришли колонной отдельно с учителем, и каждый нёс собой карточки с оценками. Карточки различались по цвету: красная – отлично, оранжевая – очень хорошо, зелёная – хорошо, белая – удовлетворительно.

Я получила красную карточку и шла первой, так как была самой маленькой. Нас поздравляли, и я увидела, что моя мама плачет, и было слышно, как кто-то сказал:

Смотри, Стойны Любица с красной карточкой!

Когда мы вернулись домой, мать мне сказала, что когда тебя кто-нибудь спросит, чья ты, не говори - Стойны, а говори по имени своего отца – покойного Обрена Грковича. Помню, что и тогда она плакала.

Так закончился первый класс, в котором мне всё было интересно. Во втором классе не случилось ничего интересного. А в третьем классе я пережила тяжёлый удар. Это было где-то в середине учебного года. Случилось то, чего я никогда не ожидала: мать вышла замуж. Я восприняла это так тяжело, что даже не могу об этом писать.

Мать переехала к мужу, и через неделю пришла за мной. Ведь я была ещё ребёнком, и хотела быть рядом с ней, и там меня приняли хорошо. Муж моей матери был неплохим человеком, к ней он относился по человечески. Он был бедным и жил отдельно от своей матери. Маленький домик – мы все помещались в одной очень маленькой комнатке. В Вербе остался мой добрый Дяденька и его семья, это всё было моё родное. Там мне всё было близко к сердцу, осталась школа с большими окнами, куда учитель сажал меня в наказание, а на самом деле он баловал меня, давал то, чего у меня не было. Здесь всё по-другому. Из близких - только мать, а всё остальное – чужое.

Я сразу пошла в школу, тоже в третий класс. Учитель принял меня хорошо, мне кажется, что он полюбил меня, всегда находил для меня доброе слово. Он звал меня «Гачанка», потому что, Верба была в Гатачком уезде. Его звали Машан Шукович. Школа была очень маленькая, она размещалась в частном доме. На самом деле это была только одна комната, где жили двое стариков, дедушка и бабушка, и нас четыре класса школьников, не знаю, сколько нас было. Знаю, что и там я была самой маленькой.

Я быстро освоилась в новой среде, подружилась с ребятами, и взрослые хорошо, по доброму приняли меня. Тут было две причины. Первое – что моя мать быстро вошла в их общество. А другое – потому что все сочувствовали мне, как сироте. В

общем, я их полюбила, а они меня, так что до сих пор, мы встречаемся как большие друзья.

Место, где мы теперь оказались, называется Равно, это уезд, но жили мы не в самом городе, а в маленьком посёлке – Криводол. Там я жила до своего 15-го года, и оттуда у меня много воспоминаний. Всё это время мать поддерживала связь с Дяденькой и его семьёй, мы ходили друг к другу, особенно на *крестную Славу*. Отчим меня всегда провожал к Дяденьке на св. Николу 22 декабря, а также и Дяденька, или кто-то из его сыновей приходили к нам на Славу св. Стефана, это 9 января. (Крестная Слава — семейный праздник. Каждая православная семья в Сербии имеет своего святого покровителя, и день этого святого отмечает как семейный праздник.)

В школе я была отличницей, и когда окончила начальную школу, хотела идти учиться дальше, и меня уже записали в гимназию в Гацке. Но оказалось, что осуществить наше желание невозможно. Надо было платить и за учёбу, и за жильё, таких средств у нас не было. Мы старались экономить, и копили деньги мне на учёбу, но их было мало. Мне было очень жаль, и матери также. И тогда она, чтобы как-то утешить меня, на эти сэкономленные деньги, которые хотели использовать для моего образования, купила мне швейную машинку Зингер. Эта машинка существует в нашей семье до сих пор, как память о тех днях. Только во время Второй мировой войны она немного пострадала, была сломана она из её четырёх ножек. Это произошло во время одного из бегства от врагов, которых много случилось в то время. Но машинка жива до сих пор.

Поскольку я не смогла поступить в гимназию, я осталась дома и провела один год без особой работы. Мать научила меня *сербскому рукоделию*. В это время в наших деревнях много работали с шерстью, женщины пряли, ткали, делали мужскую одежду из сукна. Всё это делала и моя мать, и я, глядя на неё, тоже поняла, как это делается. Я стала помогать ей в этих занятиях, и когда надо было ткать, всегда вычисляла, как надо нити вводить в станок. Она радовалась, как я быстро всё понимаю, и доверяла мне делать вышивку на полотне, а потом и вязать. В деревне было много девочек моего возраста и мы с большим удовольствием делали разные украшения с национальными орнаментами.

Так прошел один год, а на следующий год я стала маленьким пастухом. Поскольку Равно – горная деревня, жители занимаются скотоводством. Обычно два домохозяйства собирают скот и одни дают одного пастуха, а другие второго. Мне в этом году дали пасти ягнят. С пастухами случаются разные происшествия, но, прежде, чем говорить о них, хочу сначала описать Равно. Равно – это ровная возвышенность, посреди которой возвышаются два пологих холма. Равнина окружена скалистыми горами, в которых много карстовых полостей. На ней бьёт несколько красивых источников. Они порождают ручьи, которые текут вниз по полям, и там растет хорошая трава.

Один из источников чуть сильнее других, и он вытекает из-под более крупного холма, который называется Орьяча. Этот ручей не течёт далеко, а вскоре уходит в землю, в карст. При входе в землю вода немного задерживается и образует небольшое озерко, полное лягушек и жаб. Весной они клетотом выводят разные мелодии, меня это очень интересовало, и эти звуки до сих пор остались в моей памяти.

В Равно все крестьяне рано весной выходят из домов. Все они имеют хижины, которые сделаны на санях. И их каждую весну перевозят на новое место. И тогда становится настоящая прелесть – хижина возле источника в чистом поле. В хижине люди делают кровати, полки для молока и складывают посередине очаг. В таком месте я стала пастухом, и наша хижина была именно под Оречью. Я пасла ягнят. Под Оречью были окопы и траншеи, здесь до войны проходила граница между Австрией и Черногорией. На земле валялось много гильз от патронов, и было много других следов войны.

Как я уже говорила, в пастушестве бывают разные приключения и очень интересные детские полдни. Как бы ни были мы далеки друг от друга, во время полдника мы стоняем поближе наши стада и все вместе полдничаем. И если кто-нибудь находится далеко, мы громко кричим ему, или свистим, приглашая. Каждый пастух должен уметь хорошо свистеть, либо через пальцы, либо через зубы, так что таким образом мы можем иногда понемногу даже разговаривать.

Раз уж мы заговорили о свисте, я должна описать один случай, когда, как я думаю, моё умение свистеть спасло мне жизнь. Однажды я пасла вместе с одним мальчиком, он пас овец, а я ягнят. Ягнята были ещё маленькими, и их не отделяли от овец. Мы их пасли недалеко от леса и увидели волка, который спокойно приближался к группе ягнят, которые играли около источника. Мы побежали к нему, громко кричали по пастушески, но он не обращал на нас внимания, взял одно ягнёнка и ушёл с ним. Следующие три дня мы гоняли свое стадо в другом направлении. Как-то я пошла посмотреть в небольшом овражке, не осталось ли там овец. Когда я уже выходила вверх, из другого оврага вышел волк, и, мне показалось, это был тот самый волк, который три дня назад унес нашего ягнёнка. Встреча было совершенно неожиданной для нас обоих. Мы посмотрели друг на друга, я на него, он на меня. В этот миг я вспомнила, что надо свистнуть, и когда он услышал свист, то прыгнул в сторону и убежал. Это было самое интересное моё приключение, как пастуха.

Время проходило, я по-прежнему работала пастухом, но стала крепче и взрослее. И не боялась волков. Я часто видела их стаи, но мне не было страшно. Иногда осенью мы гнали лошадей с горы вниз, и все мы, и девочки, и парнишки ездили верхом рысью через поле.

Так было до 1930 года. В этот год в моей жизни произошли большие перемены, и окончилось моё детство.

Моя мать получила в Вербе наследство от её родителей. Она договорилась со своим мужем, что они переселятся в Вербу. Её старшая сестра ещё раньше построила дом в Вербе и жила там. Мы планировали поселиться у этой моей тётки, и построить дом рядом с ней. Так оно и случилось. В начале марта мы переселились и сразу начали готовить материалы для дома. Для меня это было счастливое событие. Я думала, это будет моя самая счастливая весна, но получилось не так.

Во втором браке моя мать уже родила двух сыновей и дочь, и в это время снова была беременная. 7 мая она родила ребёнка и умерла сама. Ребёнок остался жив. Его забрала сестра моего отчима, он прожил 3-4 месяца и умер. Мне кажется, что если бы кто-то больше заботился и об этом ребёнке, и о моей матери, они бы остались живы.

Мать умерла у меня на руках, но я не поняла, что это смерть. Она просила принести воды, чтобы умыть её, я это сделала. Потом попросила, чтобы я ей немного помассировала грудь. Потом попросила, чтобы я села и подняла её. Я села за неё и взяла её на колени. Вдруг она вздрогнула. Я подумала, что это, может быть, от этой воды, а в этот момент в комнату вошла тётка и сразу поняла, что случилось.

Что дальше писать. Это была ужасная картина. Мы её похоронили, пришла мать моего отчима. Его звали Милован, мне проще так его называть. Она была старой и не могла помочь нам, а мне что делать?

Плачу я, плачут эти трое, прижавшись ко мне. Они меня очень любили, и я их тоже. Постройка дома прекратилась, появились другие планы. Я уже говорила, что Милован был беден. В это время осуществлялась программа переселения в Косово, много народа решило переехать туда, так решил и Милован. Это стало для меня ещё одним ударом. Как расстаться с этими детьми, которых родила моя мать, и как им остаться без меня, сейчас, когда у них нет матери, тогда получается, что они лишатся и меня. Но что делать. Милован пришёл к Дяденьке и сказал, что хочет переселиться в Косово. И хотел с ним договориться. Дяденька сказал, что если бы он хотел вернуться в Равно, и остаться там, то он бы не возражал, чтобы я осталась с ним, но:

Я не могу позволить, чтобы она пошла неизвестно куда (в белый свет).

И было решено, что я никуда не поеду. Мы их проводили, и я осталась с Дяденькой. В это лето вышла замуж дочь Дяденьки Тонка, и в доме остались одни мужчины.

Гойко и готовит, и печёт хлеб, и всё остальное на нём. Начинаю и я ему немного помогать. Я хорошо умела работать с молоком, делать сыр, этому научила

меня мать. Но я не могла поднять котел на вериги. И я приловчилась, сначала наливала туда немного молока, поднимала, а потом доливала. А когда Гойко был дома, мы всё делали вместе. Я месила тесто, и мы пекли хлеб на каменной плите очага. Прямо на плите разводили огонь, и когда оставались одни угли, сгребали их в сторону, и прямо на камень выкладывали тесто. Сверху тесто нарывали круглой крышкой, это делал Гойко, и сверху на крышку насыпали угли. Крышка называлась – сач. Я должна была определять, сколько углей надо насыпать на сач, когда он будет достаточно нагрет, и когда Гойко надо будет его поднимать. Всему этому я научилась у своей матери.

Я уже привыкла к этим делам, и всё, вроде, шло хорошо, как вдруг на меня напала жуткая депрессия. Всё вдруг стало казаться мне гадким, я не могла ничего есть, и даже смотреть на пищу. Я начала худеть, и все начали волноваться и переживать за меня. Старший сын Дяденьки Джорджо уже отслужил в армии, вернулся домой и говорил, что меня надо вести к врачу. А женщины говорили, что это я чахну от грусти и тоски, и что надо эту тоску отсечь. Джорджо принёс мне от врача какие-то порошки, а одна соседняя бабка резала пряжу около меня и топила свинец, помещала в воду и держала у меня над головой. Через некоторое время мне стало лучше, не знаю, то ли от порошка, то ли от свинца. Я медленно, медленно поправлялась, может быть, это просто время всё лечит.

В этом году в конце октября женился старший сын Дяденьки Джорджо. Его жена была очень добрая и трудолюбивая, из хорошей семьи. Жизнь стала более упорядоченной. Я раньше не говорила, что пока я была с матерью, Дяденька с сыновьями построил большой красивый двухэтажный дом, так что стало возможно жить нормальной жизнью. Ко мне все относились хорошо, а эта новая невестка, звали её Зорка, меня очень любила. Она закончила курсы кройки и шитья, и меня понемногу обучала. Тогда я и начала в большой мере использовать швейную машину, которую купила мне мать. Я и сама научилась немного кроить и шить, так время и проходило.

Чтобы стала более ясной картина моей будущей жизни, я должна более подробно описать Вербу. Верба – очень красивая деревушка. Она находится между двумя горами, с восточной стороны Лебршник, а с западной – Живань. Через село течет красивая речка Мушница, вдоль неё в то время шла просёлочная дорога, которая оканчивалась в Чемерно. Верба и Чемерно – это было как бы одно село. Те, кто жил в Вербе могли иметь землю в Чемерно, так же, как и наоборот. Но всё же Верба была центром, не только для этих двух посёлков, но и для окрестных сёл.

Как я уже говорила, в Вербе была красивая школа, а потом был построен и «Соколовский» дом. Соколство (**Соколство – спортивно-патриотическое движение славян, возникшее в славянских странах после 1-й Мировой войны.**) было в это время очень развито. В этом доме была библиотека, читальный зал, и зал для разных мероприятий. Молодёжь собиралась по воскресеньям, там читали разные лекции и

проводили спортивные соревнования по разным народным играм. Работало и культурное любительское общество. Иногда приезжали артисты из Гацка, а иногда и наши любители давали представления. Обычно культурные мероприятия организовывались на день св. Саввы, иногда на сочельник. А иногда и без специальных повдов. Помню, как долго говорили, как наши любители удачно показали пьесу Петра Кочича «Барсук на суде». Уже все дети на селе знали Яблоня и Луя.

Заключение

Тут обрываются записки моей матери...

На первой странице своего собрания сочинений на сербском языке Леонид Леонов обратился читателю с этими словами: «Потомкам легче и безопасней будет разобраться, как оно происходило на генеральнейшем перекрестке истории (Большая война, Октябрьская революция). ... Они разлунят дорожками бывшие минные поля, возложат монументальные исследования на братские могилы. Но сквозь те полированные плиты трудно бывает различить творческое лицо современника, подсвеченное то – вдохновением и болью, то – разочарованием и яростью, - также некоторые другие, мнимо – второстепенные мелочи эпохи. Одна горсть сохраненных подробностей дает оправданье книге". Думается что такая горсть есть и в скромной тетрадке моей мамы, что даёт оправданье её публикации.

Но первую часть из обращения Леонова – о братских могилах, сербам пока не было дано выполнить. Также как и в 1941 году под нацисткой оккупацией, *сербь в войне 1991-1995 гг.*, законченной страшными злодейскими бомбежками войск НАТО, *потеряли не только свою государственность с разрушением Югославии и унижением Сербии, но и свою историю. Потеряли историю вместе с главными братскими могилами на исторически сербских территориях, которые сейчас находятся под чужой властью.* Это стало возможным вопреки сербской героической борьбе и военным победам *из-за позиции США в отношении сербов, превращенной в непременную аксиому. Вот эта аксиома: сербскому народу нельзя позволить восстановление государства, создаваемого, начиная с восстания против Турок в 1804 году, в течение двух столетий, его следует держать в фрагментированном состоянии, без какого-либо более высокого единства.* Поэтому, а также вследствие того, что *США любую свою агрессию – военную и политическую – подают как освободительную акцию против диктатур и притеснения меньшинств, мы на свое на будущее смотрим сквозь тьму.*

И нам только остается обратиться к родоначальнику православного сербского народа, Св. Савве Сербскому, с молитвой, с которой сербы обращаются к нему с 1237 –го года, на едином для русских и сербов языке.

*Со слзѣми вопіемъ ти, Савво преблаженне:
избѣви свою пѣству отъ огнѣя, и мачѣя, и иноплемѣнник,
и усобицы зло самишляющихъ, и глѣда, и всякоіе прокоудѣ.*

«Человек не может выбирать ни время, ни место, когда и где ему родиться, ни условия и обстоятельства, в которых ему предстоит жить. Это не зависит от нас. Но то, что от нас зависит и чего от нас ждут, состоит в том, чтобы быть людьми – всегда и везде. При всех условиях и всех обстоятельствах. Чтобы как людей признал бы нас своими Бог, опознали бы предки, узнали бы современники».

Так говорил святой наших дней патриарх Сербский Павел.

(из книги Йован Янич

«Будем людьми» Жизнь и слово патриарха Павла)